

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ...

Многие главные управления и тресты обосновались в центральных городах за тысячи километров от своих предприятий.

КРОКОДИЛ

№ 21 (1419) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 30 ИЮЛЯ 1955

ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ

1. ПРО ПЛАН И СПЕЦИФИКУ

Шахта № 31. Кабинет. За столом — главный инженер тов. **Макаров.** В сторонке — уполномоченный треста «Сталинуголь» тов. Рожков.

Макаров (говорит по телефону). Позвольте вам, дорогой товарищ, разъяснить: завод — это завод, а шахта — это шахта. И у неё есть своя спе-ци-фи-ка. Тут всё от ге-о-ло-ги-и зависит. Разумеется, план есть план, но... Одну минуточку! Мне звонят по аппарату управляющего трестом. (Берёт другую трубку.) Слушаю вас! Здравствуйте, Тихон Николаевич. Как будет нынче с планом? Стараемся, Тихон Николаевич, идти в пределах графика. Сколько мы угля задолжали? (Вздыхает.) Пятнадцать эшелонов, Тихон Николаевич.

Уполномоченный (про себя). Это весьма существенно. Надо записать...

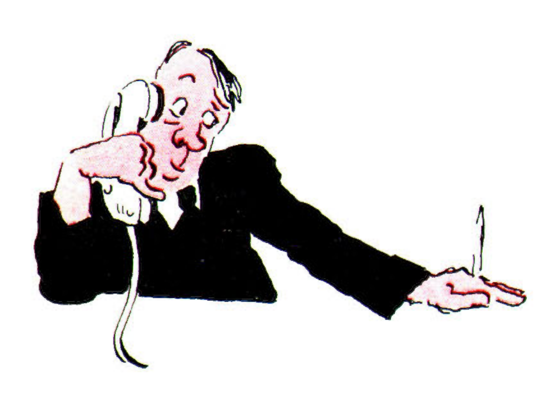

Рисунок Ф. БЕЛЕН.

2. КАК ВСЕГДА...

Нарядная шахты. Очередную смену навалоотбойщиков напутствует добрым словом начальник 4-го участка тов. Мельников. В сторонке — уполномоченный треста тов. Рожков.

Мельников. Я вас научу! Я вам покажу! Вы у меня без дела сидеть не будете!

Навалоотбойщики. Вот это было бы хорошо! Значит, сегодня в лаве всё подготовлено?

Мельников (не совсем уверенно). Как всегда.

Навалоотбойщики. Как всегда? Тогда худо.

Мельников (совсем неуверенно). Почему?

Навалоотбойщики. Будто не знаете! Спускаемся, к примеру, прошлый раз в лаву, а машиниста ещё нет. Явился машинист — оказалось, мотор не подключён. Часа через полтора его подключили и только-только со слесарем распрощались — глядь, сама врубовка не в порядке. Так за всю смену уголька и не дали.

Мельников (снова грозно). Что же вы там, десять мужиков, целых восемь часов делали?

Навалоотбойщики. Отдыхали по вашей милости. Сперва на одном боку, потом на другом.

Уполномоченный (про себя). Это весьма существенно. Надо записать...

3. ЦИФРЫ ПОД РУКАМИ

Шахтный комитет. Заместитель председателя шахткома тов. Гусаков беседует с корреспондентом областной газеты. В сторонке — уполномоченный треста тов. Рожков.

Гусаков. Вы, значит, интересуетесь, как идёт соревнование подземных рабочих? Шахта — это, конечно, не завод, тут есть своя специфика, но кое-кто задания перевыполняет, а кое-кто и недовыполняет.

Корреспондент. А нельзя ли конкретнее?

Гусаков. Конкретнее? Сейчас скажем. (Берёт телефонную трубку.) Отдел нормирования? Подсчитайте быстренько и скажите, много ли сдельщиков не выполняют сменные задания. Шестьдесят процентов не выполняют? А остальные сорок, значит, выполняют? И некоторые из них даже перевыполняют? (Снова обращается к корреспонденту.) Ну вот, видите, я же вам говорил! У меня вся цифирь под руками.

Уполномоченный (про себя, многозначительно). Это весьма существенно. Надо записать...

4. «ЧТО ТУТ ОСОБЕННОГО!»

Нарядная. Начальник 1-го участка тов. Пантази пытается успокоить поднявшуюся из шахты бригаду. В сторонке — уполномоченный треста тов. Рожков.

Пантази. Потрудитесь не шуметь! Производственная дисциплина прежде всего. Кто здесь, в конце концов, единоначальник?

Голоса. Вот и мы этим интересуемся. Вы нас нынче на три часа раньше из дому вызвали? Надо, дескать, сверх задания рубануть, всё для рекорда подготовлено... Было так или не было?

Пантази. Ну, было.

Голоса. Мы по вызову пришли, а вы нам что сказали? «Обождите малость...» И мы битых три часа по нарядной слонялись!

Пантази. Ну что тут такого особенного? Ну, отдохнули малость перед работой...

Голоса. Какая же это работа? Порожняку не хватает, транспортёр барахлит, слесари неведомо куда запропастились... Так мы почти ничего и не погрузили. А могли дать сто тонн!

Уполномоченный (про себя). Гм... это тоже весьма существенно. Надо записать...

5. ЕЩЁ РАЗ ПРО ПЛАН

Кабинет. Тов. Макаров, ныне уже исполняющий обязанности начальника шахты, завершает очередной телефонный разговор с управляющим трестом. В сторонке — уполномоченный тов. Рожков.

Макаров (в трубку). Стараемся идти в пределах графика, Тихон Николаевич. Сколько мы задолжали? Теперь уже двадцать два эшелона. Но мы наверстаем! Без всяких оговорок. Всего хорошего, Тихон Николаевич. (Глубоко вздохнув, кладёт на рычаг трубку и берёт со стола другую.) Извините, пожалуйста! Это мне из треста звонили. Да, обычная задушевная беседа... Так вот, позвольте вам разъяснить: конечно, план есть план, но завод — это завод, а шахта — это шахта. И у неё есть, понимаете ли, своя спе-ци-фи-ка.

Уполномоченный (про себя). Это весьма существенно. Надо записать...

С. ШЕВЕЛЕВ

Шахтерские частушки

Говорили про Кондрата,
Что ему сам чёрт не брат.
Был бы чёрт Кондрату братом,
Взял бы он и чёрта в штат.

Почему, начальство спросим,
Так хитро подобран штат:
Уголёк рубают восемь,
Сверху ходят шестьдесят!

Где засилие рутины
И отсталости душок,
Там в загоне врубмашины
И в почёте обушок.

На собрании шахтёр
Болтуна к стене припёр:
— Раньше выдай на-гора,
А потом кричи «ура».

Наш проходчик странных правил:
Как запели соловьи,
Трём горнячкам он отправил
Объяснения в любви.

Это не метелица
Над копрами стелется:
Штурмовой подул циклон,
В дрожь бросает шахту он.

Клуб закрыт, директор пьян,
Лекционный сорван план.
Жаль, о пьянстве лекции
Не прочли дирекции.

Трест прислал нам телеграмму:
Всех с поверхности — в забой!
Завершили мы программу,
На полмесяца отбой!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— За год третий раз в шахте и всё же опять заблудился.

ДПЦ

Вы спрашиваете, что это такое — ДПЦ? Как бы вам популярнее объяснить... Ну, в общем, это то же самое, что ДПД. Опять непонятно? Вот сразу и видать, что вы работаете не на шахтах нашего треста и вообще не в системе «Главцентродонбассугля». Значит, надо рассказать вам обо всём по порядку.

Начинается это обычно с приказа — телефонограммы. Такого-то, мол, числа, к такому-то часу всем начальникам шахт бросить все текущие дела и явиться в трест «Орджоникидзеуголь», к нашему отцу-командиру, главному инженеру Павлу Яковлевичу Заставенко. Опытному человеку ясно: быть накачке. Мобилизуются все наличные средства передвижения, оперативное руководство откладывается до лучших времён, и ровно в назначенный час все приглашённые не на своих местах. А точнее сказать — в одном трестовском кабинете.

Ну, что такое накачка, вам, слава богу, объяснять не приходится. Возможны, конечно, варианты, но в основном картина всегда одна и та же: все молчат, один кричит. Кто, дескать, позволил вам всем отставать? Я, дескать, лично этого не позволял и никогда не позволю! Желаю, чтобы завтра же все шахты до единой были передовыми! Объявляю на завтра ДПЦ! Об исполнении рапортовать!..

Тут уж ни перечить, ни рассуждать, ни раздумывать не приходится. Снова вьются под колёсами «побед», «москвичей», «газиков» стёжки-дорожки, и через час — другой на всех шахтах только и слышно: ДПЦ! ДПЦ! Все силы — на ДПЦ! Всех людей — на ДПЦ! Всю технику — на ДПЦ!..

Говорят, на флоте принято в исключительных случаях свистать всех наверх. Ну, а у нас наоборот. Даётся команда: всем до единого быть внизу, в лавах! И проходчикам, и крепильщикам, и путевым рабочим, и слесарям, и конторщикам — всем грузить уголь! Кто сколько сумеет! С миру по лопате — тресту повышение добычи!..

И что бы вы думали? Набирают-таки по лопате тресту сколько ему требуется для рапорта вышестоящему начальству. Из шахт — тресту, из треста — главку, а оттуда в министерство докладывают: ДПЦ прошёл успешно! «Красный Профинтерн» дал 112 процентов дневного задания! Ольховатское шахтоуправление — 118! «Юнком» — 140!.. Точно выполняя полученные от Павла Яковлевича руководящие указания, все без исключения предприятия стали за один день передовыми. И без всяких, заметьте, технических нововведений или каких-нибудь там организационных перестроек. Просто нажали — и всё. Можно рапортовать!

Правда, на другой день выясняется, что, пока мобилизованные в ДПЦ проходчики, крепильщики, путевые рабочие, слесари и конторщики грузили уголь, их собственная работа оказалась запущенной. И вот навалоотбойщикам не хватает вруба, крепильщикам — леса, вагонеткам — исправных путей, отбойным молоткам — сжатого воздуха, суточным сводкам — многих десятков процентов плана. На третий, четвёртый, пятый день запущенные дела идут ещё хуже. И так до того спасительного момента, когда с трестовских командных высот снова раздастся грозный клич:

— Не потерплю! Не позволю! Объявляю на завтра ДПЦ! Всем до единого быть завтра в лаве!

Позвольте, скажете вы, да это же просто-напросто штурмовщина!.. Она самая и есть. Только в своём настоящем обличье выходить на люди ей уже неприлично — вот её, матушку, и перекрестили. Сперва в ДПД — день повышенной добычи. Потом в ДПЦ — день повышенной цикличности. А так всё остальное без перемен...

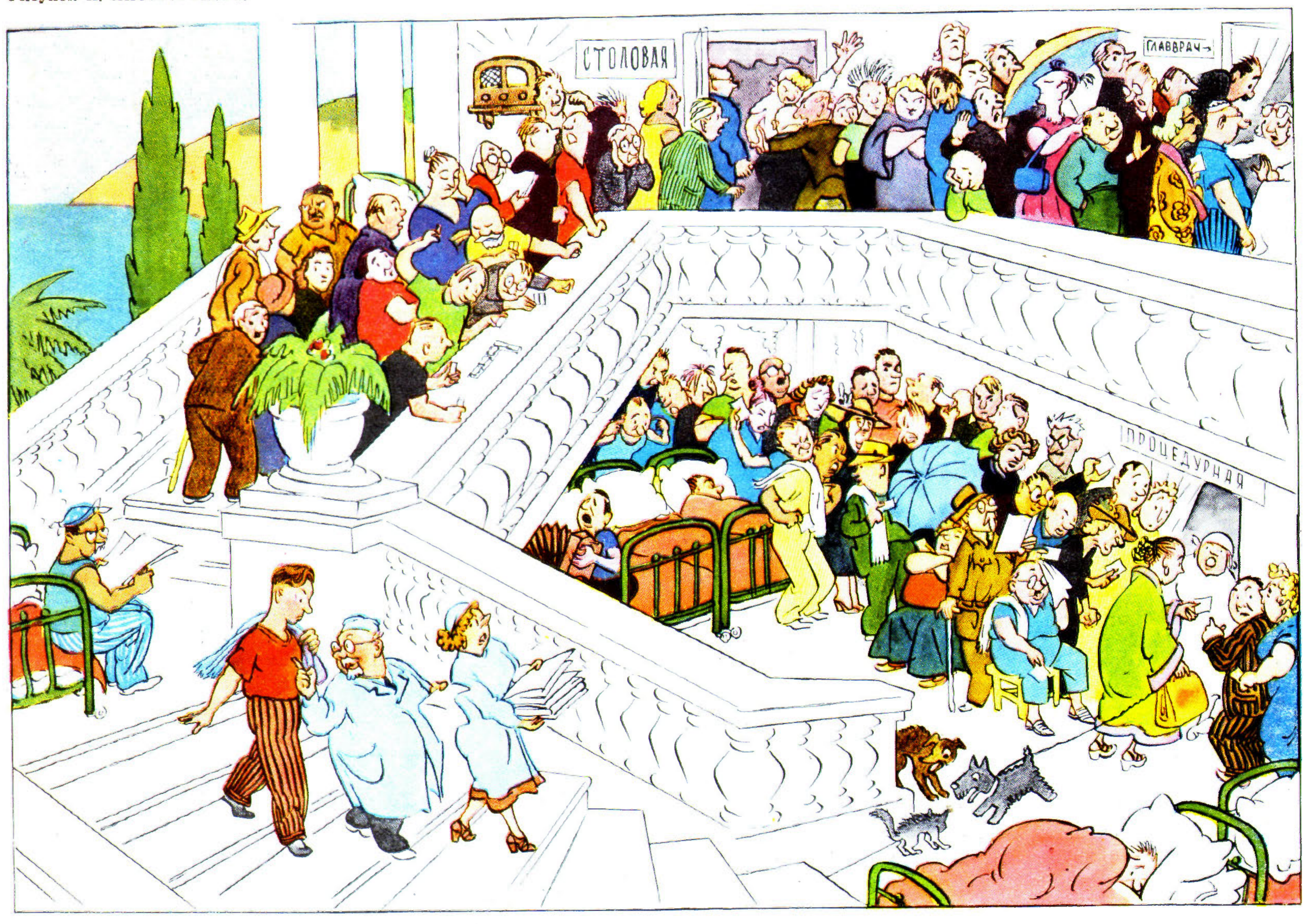
Н. НЕПРАН,
И. ПИХТЕРЕВ

Рисунок Бориса ЛЕО.

СПУСК С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

ВРАЧ: — Наш санаторий вам не противопоказан, у вас нервы крепкие, выдержат.

ЕЩЕ КЛАНЯЕМСЯ...

Начальнику конструкторского бюро завода «Красный Аксай» товарищу А. Д. КИРИЧЕНКО
г. Ростов-на-Дону

Уважаемый Антон Дмитриевич!

Разрешите в первых строках нашего письма рассказать вам восточную сказку о некоем поваре. Решив потрясти гастрономическое воображение своего хозяина, он выкинул следующий трюк: сначала подал жареную баранину с рисом и назвал её пловом по-кавказски; затем переложил рис справа налево и подал ту же баранину. На этот раз она именовалась пловом по-карски. Далее он бросил горстку риса поверх мяса и нарёк его пловом по-курдски. Потом съел половину баранины и сообщил, что оставшееся в блюде не что иное, как плов по-царски...

Изобретатель «царского» плова вошёл в сказку не по праву. На наш взгляд, он был жалким дилетантом. Аллах обделил его не только мастерством, но и фантазией. Ведь если разобраться, повар ограничился всего четырьмя вариантами одного блюда. Разве это выдумка? Размах? Ему бы поучиться у вас, дорогой Антон Дмитриевич! Вы бы ему показали, сколько может быть псевдонимов у одного и того же блюда. Да, да, Антон Дмитриевич! Манипуляции с культиватором, который конструировало руководимое вами конструкторское бюро, показывают, как далеко до вас герою восточной сказки.

Сначала культиватор назывался «КП-4». Затем он начал именоваться «КП-4М». Далее его нарекли «КЛТ-4». Потом «КЛТ-4Б», «КРС-5,4», «КПН-4А», «КРН-2,8» и т. д. Несмотря на разные названия, это был один и тот же культиватор. Переместят конструкторы гайку справа налево — вот и новая модель. Поставят горемычную гайку на миллиметр выше — новый образец. Поставят пониже — опять новинка. И так четыре года!

Четыре года кормится бюро культиватором. А ведь у вас едоков не мало — шестьдесят человек! Семейка-то большая! Как говорится, буханкой хлеба здесь не обойдёшься. Чтобы прокормить такую семейку, государство израсходовало за это время более трёх с половиной миллионов рублей.

— Позвольте! — можете сказать вы.— Мы даром хлеб не ели! Бюро занималось не только культиватором. Наша творческая мысль залетала и в другие технические сферы. За эти годы у нас возникло 106 гениальных идей. Бюро разработало 106 тем.

Всё это так. Но, увы, из 106 идей только 4 были признаны заслуживающими внимания. Чего греха таить, процент попадания не так уж велик. Словно вы не видели цели, а стреляли в темноте, Антон Дмитриевич! Нет, уважаемый товарищ Кириченко, видимо, не в тех сферах парила конструкторская мысль. К тому же она неизменно возвращалась к милой вашему сердцу машине. Из четырёх принятых к производству машин три были культиваторами. Правда, и тут счастье не сопутствовало вам. Культиватор «КПН-3», разработанный бюро совместно с Всесоюзным институтом сельскохозяйственного машиностроения, был снят с производства. Выпустили 2 300 машин и сняли. Ваше детище оказалось хилым, маломощным, малопригодным для работы. Словом, «Красный Аксай» потерпел убытки...

Однако это вас не смутило. Работа над культиватором продолжается. Заводу сданы чертежи очередной модели. Нельзя сказать, чтобы они безумно обрадовали производственников. В них было больше ошибок, чем здорового технического смысла. Работники завода внесли в проект, представленный бюро, свыше 150 изменений.

Вы даже не поблагодарили их за этот труд. Не моргнув глазом, вы дополнительно внесли в свои чертежи ещё 79 исправлений. Итак, скоро родится новый культиватор. А быть может, это будет старая машина, но под новым псевдонимом. Так или иначе, повар из восточной сказки окончательно вами посрамлён. Ему остаётся только благоговейно снять перед вами шляпу и отойти в тень.

Об этом мы и поспешили вам сообщить.

Засим низко кланяюсь

Крокодил

Степан ОЛЕЙНИК

О шефах и подшефных

Я за шефство! Не обуза
Взять мотыгу в две руки
И в полях, где кукуруза,
Уничтожить сорняки.

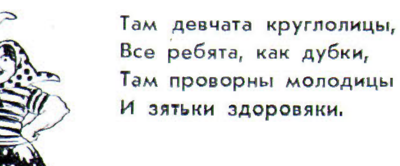
Но порой даёшься диву,
Поглядев со стороны:
Шеф на зорьке полет ниву,
А подшефный... смотрит сны.

Довелось, друзья, недавно
Видеть мне в колхозе «Труд»,
Как хозяева исправно
День за днём баклуши бьют.

Свёкла в поле сок теряет,
Кукуруза заросла,
А в колхозе пьёт-гуляет
Минимально полсела:

Пьют в гостях у тётки Оли,
На крестинах у родни...
И заросшей тропкой в поле
Шефы движутся одни.

Шефы, смотришь, спозаранку
За второй взялись гектар;
А в селе — кто на гулянку,
Кто к реке, кто на базар.

В воскресенье шефы полют,
И жара им нипочём;
А подшефных к их же полю
Не заманишь калачом!

Просто стыдно, да и только!..
Шефы косят, им не лень,
А в селе — гопак да полька,
Там Петров справляют день!

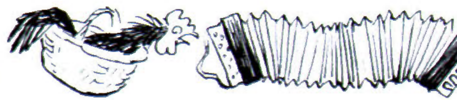
Там девчата круглолицы,
Все ребята, как дубки,
Там проворны молодицы
И зятьки здоровяки.

Им, подшефным, всё плясать бы,
Им прогулы не беда!
Именины, спевки, свадьбы —
Отправляйся кто куда!..

Нет в селе на шефов жалоб,
Шефы выручат опять...
Ну, а всё же не мешало б
И подшефным совесть знать!

Перевёл с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

НОВОЕ В ТЕХНИКЕ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Эй ухнем!
Эй ухнем!

ПРИМЕЧАНИЕ. Крестиком отмечен единственный работающий механизм.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Он и она

— Не нужна ты мне! Надоела, опротивела хуже горькой редьки!

— Но ведь я твоя! Куда же мне деваться?

— Хоть в тартарары.

Иначе они между собой не разговаривали.

Всё дело в том, что они не уживались, он и она. Встречались периодически и с каждым годом всё реже и реже. Кто был в этом виноват? Только не она, верная и правдивая, всегда готовая следовать за ним повсюду. Виноват, разумеется, был он. А ведь в молодости он и шага не делал, не посоветовавшись с ней. Теперь же он буквально издевался над ней и с удовольствием отрёкся бы от неё, если бы не побоялся общественного порицания.

Впервые она вошла в его жизнь, когда его звали Боба и ему было три года. Он стащил со стола пирожное. Выдали перемазанные кремом губы. Мать воскликнула с огорчением:

— Совесть-то у тебя есть?

Боба засопел, захлюпал и, не понимая вопроса, всё же счёл за лучшее дать утвердительный ответ:

— Конечно, есть у меня совесть.

С тех пор так они и стали жить вместе: Боба, который превратился сперва в Борю, а затем в Бориса Михайловича Четвёркина, и его Совесть. Было время, когда он гордился ею, как гордятся молодой женой — красавицей, умницей, с высшим образованием. Тогда он любил повторять:

— Я человек с чистой совестью!

А потом она начала его тяготить. Не то, чтобы с чистоты потянуло на грязцу, но просто он почувствовал: их дороги расходятся. Его прельщала жизнь гладкая и сладкая, как кисель в тарелке, чтоб дома было сладко, а на работе гладко. И чтоб никаких беспокойных новшеств (новшества — в виде пылесоса и щётки для мытья спины — он признавал только в личном быту). А Совесть нет-нет, да и толкнёт его в бок:

— Боба, а Боба, а ведь ты не такой был.

— Какой же?

— Честный, кипучий, горячий.

— Ну, а теперь остыл. В нечестности ты меня упрекнуть не можешь. Так что катись от меня!..

Особенно обострились у них отношения года три тому назад. Да, да, документально проверено, именно в это время. В связи с назначением на новую должность (между прочим, в вышестоящем учреждении сказано было примерно так: «Назначим пока Четвёркина...») он почувствовал себя умнее и одарённее всех и даже считал, что судьба завода целиком в его, четвёркинских, руках. И хотя это было не так, но кое-что действительно было в его руках.

Вот, например, двое молодых слесарей-инструментальщиков пришли к главному инженеру Борису Михайловичу Четвёркину узнать о судьбе их изобретения. Молодые слесари, как положено, сперва сдали своё детище в бриз. Оно было разработано технически грамотно и доказывало чёрным по белому, что внедрение его в производство высвободит рабочую силу и сбережёт государству по крайней мере полмиллиона рублей в год. Начальник бюро рационализации и изобретательства уверил их, что за ним дело не станет, но озабоченно добавил:

— Лишь бы Четвёркин не замариновал!

Детище прошло все инстанции, и теперь вопрос — жить ему или не жить — зависел от Бориса Михайловича.

Четвёркин приветливо побеседовал с новаторами, сказал, что даст делу ход, а когда они, окрылённые надеждой, ушли, зевнул и пихнул папку в стол.

— Успеется.

Новаторы приходили снова и снова. И каждый раз Четвёркин поучительно говорил, что поспешишь — людей насмешишь и це дило трэба разжувати...

В конце концов изобретатели не выдержали:

— Да уж вы целый год жуёте! Совести у вас нет, товарищ Четвёркин.

Вот тут-то она и появилась, скромная и даже робкая, как тихая и честная жена при муже с большой фанаберией.

— Боба, а Боба, как же это так получается?

— Ко мне посторонним вход воспрещён! — огрызнулся Четвёркин.

— Уж теперь я и посторонняя? Смотри, при ком-нибудь этак не обмолвись, а то бессовестным назовут.

Четвёркин взял грубый тон:

— Чего ещё надо?

— Напомнить тебе, что ты меня совсем потерял.

— Не ощущаю скорби от потери! — высокомерно сказал Четвёркин.

— Ты не ощущаешь, а людям моё отсутствие заметно. Так и говорят: «У Четвёркина совести нет».

— Кто это говорит? — с живостью спросил Четвёркин потому, что люди, даже и бессовестные, всегда интересуются тем, что о них говорят.

— Мало ли кто,— уклончиво сказала Совесть и устало вздохнула.— Я ведь тебе не начальник главка, не директор и не законная жена, чтоб меня обманывать. Начальник главка — фигура хотя и крупная, но доверчивая; директор — личность, в успехах завода заинтересованная; а твоя жена — существо вообще, по твоей милости, безликое. Но о ней в данный момент речи нет, потому что я к тебе явилась по месту работы, а не в Матаньин тупик, дом 10.

— Правильно, в личную жизнь прошу не вторгаться, ваше вмешательство там не требуется, а на работе у меня авторитет не запятнан, в корыстных целях никто меня упрекнуть не может!

— Это как сказать! — усмехнулась Совесть.— Цифры ты подтасовываешь, план выполняешь за счёт того, что попроще да полегче, технику держишь на задворках, а директора — на поводу. Брак покрываешь! Короче говоря, с честнейшей рожей обманываешь государство. Ну, что скажешь?

Четвёркин яростно, всей пятернёй почесал у себя в затылке:

— Распустил я тебя, вот что я скажу! На что это похоже, чтоб меня какая-то Совесть мучила! Не потерплю! Отрекаюсь, развожусь с тобой раз и навсегда!

— Вот-вот, так и в газету объявление дай: «Четвёркин Борис Михайлович возбуждает дело о разводе со своей Совестью, проживающей там же...» Ах, Борис, Борис! Что же это за жизнь у тебя? Где у тебя радость? Соврал, подтасовал, отвёл от себя грозу, слопал премию — вот и все твои грошовые удовлетвореньица.

— Сгинь, замолчи! — прохрипел Четвёркин.

И Совесть замолчала. Она была у Четвёркина худосочная и неспособная к длительному сопротивлению.

Время шло. Четвёркин исправно получал зарплату, приобрёл множество полезных вещей в новую квартиру, о которой хлопотал, вкладывая в хлопоты все силы души и тела. И на работе всё было сравнительно благополучно: ни выговоров, ни замечаний. Правда, кое-кто поругивал его, но всё как-то по-семейному, без объявления в приказе. А главное, Совесть не подавала голоса после того, как он со всей ответственностью посулился её задушить.

Но вот в один прекрасный день появилось постановление, в котором говорилось о том, что необходимо укрепить государственную дисциплину на производстве и, между прочим, что рабочим-изобретателям нужно оказывать всемерную помощь и поддержку. А те лица, которые тормозят работу, заслуживают самого сурового порицания.

И тут словно какая-то пружина развернулась внутри у Четвёркина. Он вертится, бегает, звонит, пишет, выхватывает из пухлой папки одно за другим заявления, планы, чертежи, проекты.

— Поглядите, товарищи, как я работаю, помогаю, поддерживаю. Зачем же зря говорить, что предложение три года пролежало? Не лежало оно, а торчком торчало у меня в мозгу, как гвоздь. Не отрываясь, думал о нём день и ночь, а теперь провернём его в два счёта!

Рабочие-новаторы говорили:

— У Четвёркина совесть проснулась.

А Совесть вовсе и не спала. Просто она у Четвёркина была забитая и замордованная, и, кроме того, последнее время он её держал в парандже,— конечно, дело семейное. И всё же она из-под тёмной паранджи шепнула:

— Не за совесть, а за страх веретеном вертишься, грош тебе цена, Четвёркин!

Но он на это ей сказал:

— Цыц! Горячка схлынет — опять буду жить не тужить,— и рысцой побежал на доклад к директору.

— Небось, потужишь,— напророчила ему вдогонку Совесть, но он сделал вид, что не расслышал: так было спокойнее. Вошёл в кабинет, захлопнул за собой дверь и оставил Совесть за порогом. Но тут вдруг директор, упершись кулаками в стол, поднялся со своего места и страшным голосом спросил:

— Четвёркин, где у тебя совесть?

И в это время директору показалось, что из-за двери тихонький голос прошелестел: «Тут я...»,— но директор не поверил своим ушам, а стал слушать Четвёркина.

И Четвёркин начал уверять, даже с драматической слезой в голосе (только бессовестные люди умеют подпускать такую слезу в нужном месте), что завод для него — святая святых, а директора он, Четвёркин, любит «любовью брата и, может быть, ещё нежней...»

Однако, как ни врал Четвёркин, как ни выкручивался, на этот раз ему не сошло с рук. Но...

Но, говорят, он уже устроился в другом месте и процветает. Без Совести, налегке. А там пока-то ещё разберутся...

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

УРОЖАЙ: — Снимайте, пожалуйста, подчистую, товарищи колхозники, ничего не оставляйте.

СТАРЫЕ ИСТИНЫ

Вполне может статься, что найдутся люди, которые отнесут наш разговор на свой счёт. И что нового собирается автор поведать миру? Ведь на тему о вежливости уже всё сказано.

Автор громогласно признаёт: да, никаких откровений он не собирается делать. Но порой приходится упорно и настойчиво повторять старые истины.

Начнём с небольшой сценки, которая опять-таки не отличается новизной, но, к сожалению, всё ещё не утеряла свежести своих красок.

Вагон троллейбуса битком набит. Вот справа у одного из окон сидит молодая девушка. Она углубилась в книгу. Она читает с упоением и ничего не видит, что делается вокруг. Как будто не видит она и того, что подле неё стоит седобородый старец.

А старец через очки смотрит в книгу юной читательницы и видит: это М. Ю. Лермонтов, баллада «Над морем красавица-дева сидит».

Подъехали к Охотному — «Над морем красавица-дева сидит».

Подъехали к площади Дзержинского — над тем же морем та же красавица-дева сидит.

Подъехали к Красным воротам — та же картина: над морем вышеупомянутая красавица-дева продолжает сидеть.

И сидела она до самого Казанского вокзала. Сидела и молодая читательница, которая за всю дорогу не перевернула ни одной страницы. М. Ю. Лермонтовым она пыталась прикрыть свою грубость: зачем уступать место старику, когда можно делать вид, будто увлекаешься бессмертными стихами великого поэта?

Сия девица не считает себя, конечно, грубиянкой. Что вы! Что вы!

Профессор, старый и заслуженный деятель науки, как-то рассказывал нам:

— Иду я по нашей поликлинике и встречаю регистраторшу. Молодая голубоглазая девушка. Она к нам недавно поступила. «Пётр Иваныч,— говорит она мне, вежливо улыбаясь,— вас там больные ждут, а вы тут шляетесь...»

Голубоглазая девушка не думала обижать профессора. Она ведь сказала, улыбаясь! Но таков её лексикон. Такова манера выражаться.

Попробуйте упрекнуть эту девушку в невежливом обращении с профессором. Она удивлённо пожмёт плечами:

— Подумаешь! Что, я его обругала, что ли? Капризный старикан!..

Вот она, эта девушка, в учреждении за столиком. Она государственный служащий. Посетитель ждёт от неё культурного, корректного обращения.

Посетитель ждёт. Посетитель долго ждёт. Посетитель о чём-то спрашивает. А она молчит. Не человек — холодное эскимо на палочке.

Но вот девушка открыла наконец свои пурпурные уста:

— Ладно, ладно!.. Будут тут всякие указывать!

Она живёт в коммунальной квартире. Рядом соседи, соседки, дети. «Подумаешь, важность какая!» Она громко хлопает дверью. Сосед просит её не шуметь: ребёнок только что уснул. Она глупо и презрительно улыбается и мимоходом обзывает соседа «шляпой».

Мать сделала ей какое-то замечание, она огрызнулась:

— Заткнись!..

А попробуйте сказать ей, что такое поведение неприлично, и она обидится:

— По-моему, я веду себя очень культурно. Это всё придирки...

Есть люди, которые ударят вас по голове изящным томиком стихов и в своё оправдание скажут:

— Разве я вас поленом? Я же вас стукнул «Божественной комедией» Данте!..

Перед нами письмо гражданки К. Её истязают Чайковским, Римским-Корсаковым, Бетховеном («Лунной сонатой»!). Сосед, студент, пристроил к стене её комнаты радиорепродуктор. С самого раннего утра и до глубокой ночи простуженный репродуктор хрипло выкрикивает все мелодии и симфонии, созданные лучшими композиторами.

У гражданки К. больной ребёнок. На её просьбы перенести репродуктор к другой стене или хотя бы выключать его, когда ребёнок засыпает, юноша, прилежно изучающий гуманитарные науки, отвечает с усмешкой:

— В своей комнате я могу делать, что хочу...

Гражданин В. Шиков — человек более широкого размаха. Если вышеупомянутый гуманист в кавычках считает, что «моя комната — моя крепость», то Шиков твёрдо уверен: вся квартира — поле его брани. Брань и ругань Шикова то и дело потрясают стены девятой квартиры во 2-м Колобовском переулке Москвы.

Шиков — работник милиции. Он выдаёт себя за очень ответственного работника. Но ответственность он понимает по-своему. На соседей кричит:

— Молчать! Вы знаете, с кем вы разговариваете? Вы знаете, где я работаю? Я каждого из вас могу в бараний рог согнуть!

Он даже не притворяется культурным человеком. Свою грубость выдаёт полной мерой. За эти проделки он от начальства уже получил строгое предупреждение. Но Шиков, как и чеховский унтер Пришибеев, не думает менять свой крутой нрав:

— Нар-род, расходись! Не толпись! Я вам покажу!..

У Н. К. Кравцова ещё более широкий размах. Он директор завода в городе Первомайске. «Мой завод — моя вотчина»,— решил Кравцов. А в своей вотчине он считает за благо шуметь, кричать, грубить. «Моему, дескать, ндраву не препятствуй».

Недавно серьёзно заболел рабочий. Надо было срочно отвезти его в больницу. А у директора три легковые машины. Обратились к нему.

— Что?! — вскипел Кравцов.— Машину? Да как вы смеете? Даже мой заместитель не ездит на легковых машинах! Прошу впредь не беспокоить меня по таким вопросам!

Грубость — пережиток прошлого. Так называемые грозные начальники повторяют повадки былых администраторов, давно осмеянных передовой русской литературой. А люди наши выросли, у них появились высокие запросы, они требуют внимания, вежливости.

Грубость — неуважение к человеку, унижение его достоинства.

Нам прислала письмо бывшая сотрудница заводоуправления одного московского предприятия:

«Обращаю ваше внимание на бездушное отношение директора завода тов. Никитина к людям... Проработала я на этом заводе два года. За это время директор даже и не знал, как меня звать. Обращаясь к курьеру, он говорил: «Где она там, позовите её». Слушая такие слова, я иногда сама сомневалась, есть ли у меня имя и отчество, или, может, я настолько никчёмный человек, что меня даже не следует называть по фамилии. Если, войдя на его вызов в кабинет и что-либо не расслышав, я переспрашивала, то непременно удостаивалась такого приветствия: «У вас уши тряпками завешены!» Когда директор был в лучшем настроении, тряпки заменялись ватой: «Выньте вату из ушей и слушайте, что вам говорят!»

Ну, вот мы и написали обо всём этом. А дальше? Будем опять, что ли, писать всё о том же?

Вопрос останется на мёртвой точке, пока им серьёзно не займутся общественные организации, месткомы, завкомы, профсоюзы, комсомол, стенные газеты, многотиражки.

Представьте себе комсомольское собрание. На повестке дня один вопрос: «О вежливости».

Или собрание в советском учреждении с такой повесткой дня: «О том, как тов. Иксов разговаривает с посетителями».

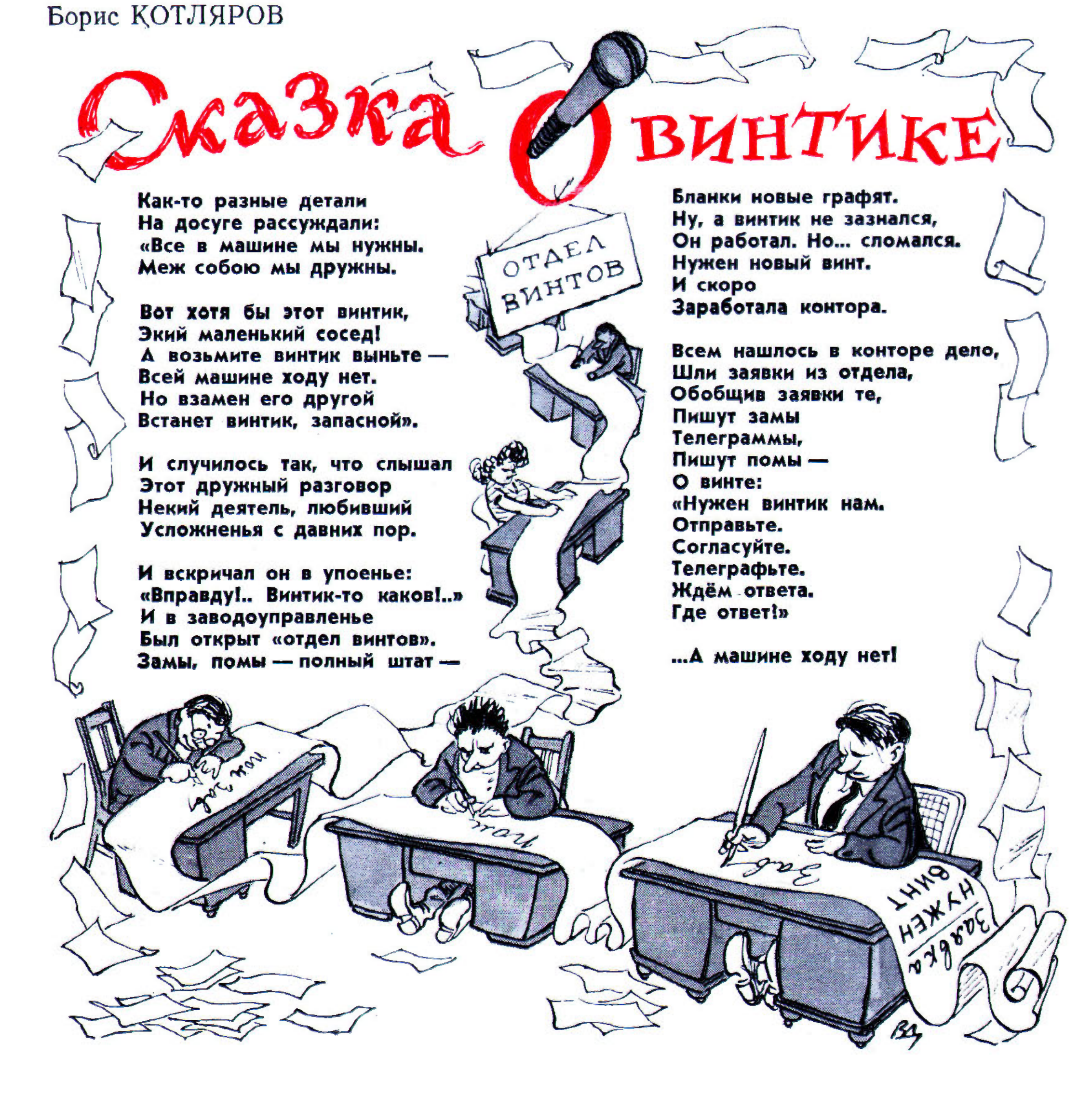
А вполне возможна и такая повестка дня: «Персональное дело тов. Игрекова, который ругается скверными словами».

Само собой понятно, что дело не только в собраниях. Надо создавать атмосферу нетерпимости и общественного презрения вокруг грубиянов всех оттенков и мастей, вокруг самодуров, крикунов, пришибеевых.

Не будем ограничиваться расплывчатыми многоточиями там, где нужны резкие и решительные восклицательные знаки!

Г. РЫКЛИН

Борис КОТЛЯРОВ

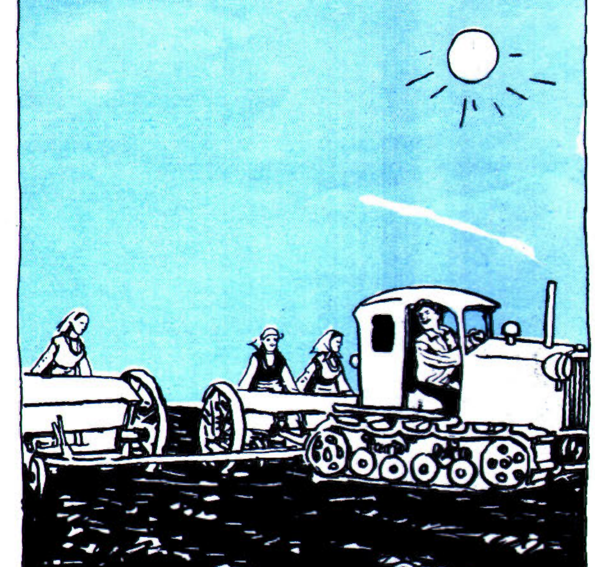

Сатира ЗА РУБЕЖОМ

Весной этого года Болгарский народный ансамбль песни и пляски с большим успехом выступал в Париже.

Рисунок Б. ДИМОВСКОГО («Стършел». Болгария).

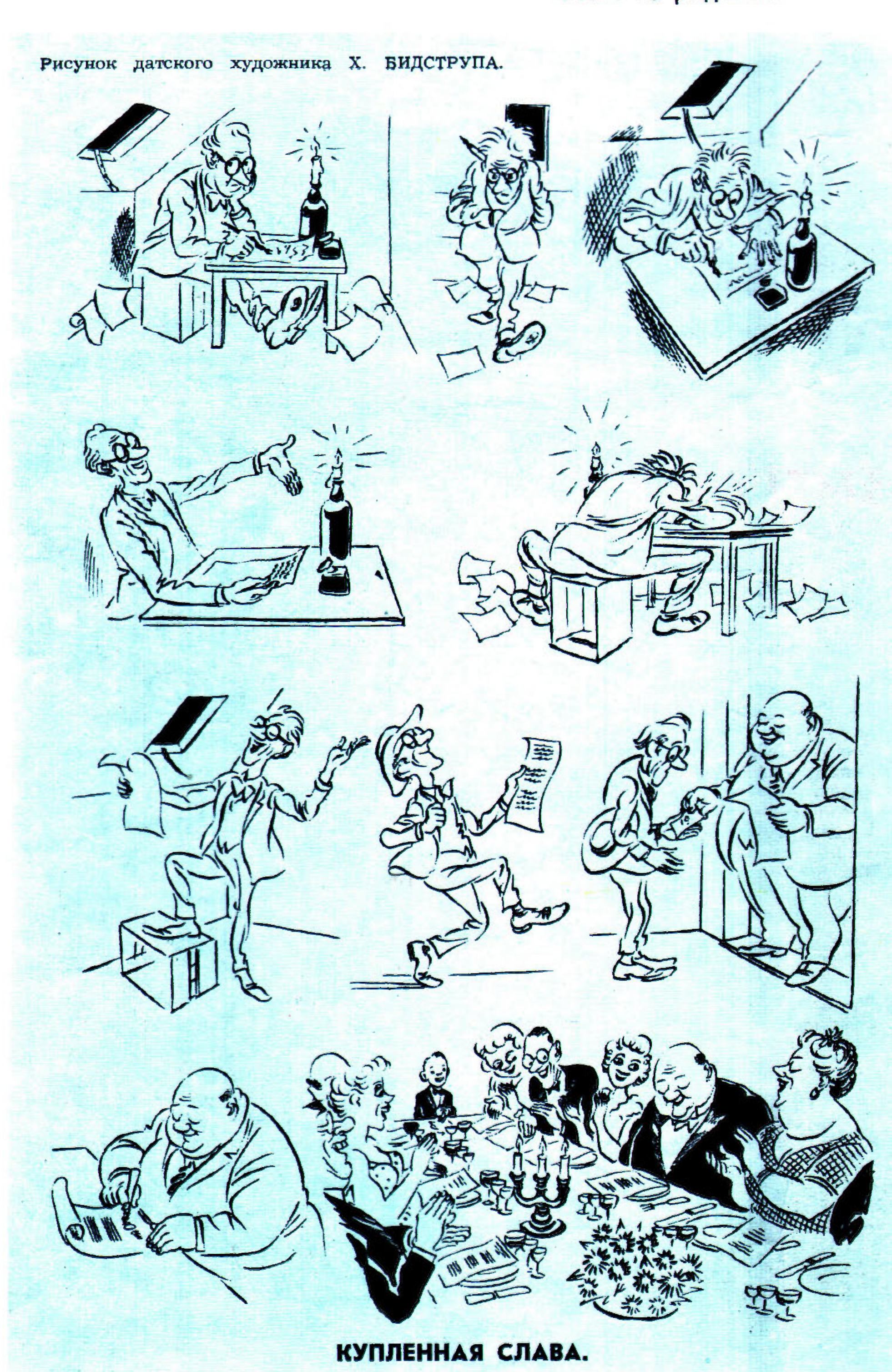
БОЛГАРСКАЯ МОЛОДЁЖЬ...

...сеет на родине...

...и пожинает успехи в Париже.

Рисунок датского художника Х. БИДСТРУПА.

КУПЛЕННАЯ СЛАВА.

Добрый совет

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мой жених — ему 21 год — испробовал уже все возможные способы разбогатеть. Мы с ним изучили и соответствующую литературу, например, брошюры «Как добиться успеха», «Как стать миллионером» и прочее в этом роде. И он в точности следовал всем советам.

Рокфеллер и Форд начали с продажи газет на улицах, и он тоже решил сделать себе классическую американскую карьеру по рецепту «Каждый — кузнец своего счастья». Первый же встречный полицейский отвёл его в участок, так как у него не было разрешения на торговлю газетами.

Не падая духом, он, по примеру какого-то другого банкира, решил торговать на людных улицах цветами, купленными по дешёвке на базаре. Та же неудача: у него не было бляхи уличного торговца.

Тогда он стал интересоваться объявлениями в вечерних газетах. Фирма по изготовлению сенсационных новинок — пластмассовых холодильников — наняла его для размещения заказов и получения задатков. Он зарабатывал по 500 франков в день. Мы были преисполнены надежд... Увы! Предприятие оказалось жульническим. Прибывшая полиция хоть и не застала изобретателя этих холодильников, но зато успела схватить моего жениха. На этот раз его привлекли к суду. Мой жених поплатился двумя месяцами тюрьмы...

Теперь он уже на свободе. И попрежнему хочет «сам выковать своё счастье» и стать миллионером... Не можете ли вы открыть нам секрет, как этого добиться?

Маленькая мечтательница.

Дорогая маленькая мечтательница!

В нынешних условиях нам известен только один честный способ стать миллионером, не имея ни гроша: терпеливо дожидаться инфляции, которая, как видно, не за горами. История помнит, что в Германии в 20-х годах инфляция наполняла карманы последних бедняков миллиардами миллиардов и ни один прохожий не осмеливался подать нищему меньше 10 миллиардов. Надо было иметь 30 миллиардов, чтобы купить фунт хлеба.

Другого рецепта мы не знаем. Во всяком случае, этот кажется нам самым надёжным. Нужно только немного терпения!

Всем сердцем ваш
Фанфан.

Перевод из сатирического листка газеты «Юманите-диманш» — «Фанфан-Тюльпан».

Никуцэ ТЭНАСЕ

Чудесный поросёнок

Свинья, которая сотворила это чудо, даже и не свинья. Это поросёнок. Ему всего несколько месяцев. Что за великолепное животное! Я его видел. Он и хрюкает-то не как другие. Говорят, что это гибрид мангалицы и йоркшира, да ещё с примесью кабана. Будь он мой, я не променял бы его даже на телёнка. Вы его не видели, поэтому судить не можете. А жаль. Очень жаль, что вы не побывали в Сусене. Вы не потеряли бы даром время. Поросёнок жив и здоров. Многие приходили посмотреть на него. И из Прибоеня приходили. В этом селе, в Прибоене, люди очень любопытны. Как проведали о чуде, так и бросились в Сусень.

А ведь до случая с подшипником никто и внимания не обращал на поросёнка. Зато после даже сам председатель совета приехал, чтобы посмотреть на поросёнка, а он ведь человек занятой. И председатель долго разговаривал с Петре Петришаном — поросёнок-то принадлежит ему. Он предупредил Петре, чтобы, боже сохрани, не вздумал охолостить поросёнка, а то будет иметь дело лично с ним, с председателем. Этого поросёнка надо сохранить на племя и не выпускать из села иначе, как с разрешения совета.

Надо вам сказать, что Петре Петришан не любит, когда с ним разговаривают в таком тоне. С ним надо говорить по-хорошему. Если к нему подойти ласково, он и рубашку с себя отдаст. И поэтому Петре не на шутку рассердился:

— Это что же, товарищ председатель, я от тебя завишу, что ли?

Ну, потом они помирились. Председатель у нас новый. Он не знает характера Петре Петришана. В общем, они помирились. Петришан выставил цуйку [1]. Председатель выпряг лошадь из своей тележки. Пришёл ещё кое-кто из односельчан. И я там случайно оказался. Эх, братцы, ну и цуйка у Петре Петришана! В самом Бухаресте не найдёте такой. Очень приятно мы провели время. Там я и узнал, как из поросёнка удалось получить электрический ток.

Дом Петришана виден и из дверей совета, и со станции, и с другого конца села. Он не так уж высок, но вы его с первого взгляда заметите, особенно летом. Во всём Сусене аист свил гнездо только на доме Петришана.

Петре Петришан отбывал военную службу во флоте. Плавал и в дальних морях. Он человек бывалый. Можете просидеть с ним два дня и две ночи и не услышите от него: «Больше мне нечего рассказать!» У него рассказов всегда хватает.

Эту историю с поросёнком, который дал электрический ток, я не сумел бы рассказать так, как он. Поэтому предоставим слово ему самому. А он уж не заставит просить себя.

— Видите вот эту свинью? А теперь взгляните на лампочку. Горит? Горит! Не будь свиньи, не горела бы и лампочка. Ну, эта история длинная. Ток к нам идёт из государственного сельского хозяйства. Там есть мотор. Оттуда получает свет всё село. Месяца два назад... Вы ведь знаете Кодашкэ — директора государственного хозяйства? Так вот, два месяца назад расплавился подшипник мотора, дающего ток. И мы остались без освещения. Жили мы уже несколько дней в темноте, когда я встретил Кодашкэ.

— Товарищ Кодашкэ,— говорю,— что вы там сделали с электричеством?

А он мне в ответ:

— Эх, лучше не напоминай мне об этих кооператорах!

— О каких кооператорах, товарищ Кодашкэ?

— Которые должны перелить подшипник для мотора. Я им писал уже раз двадцать. Даже в Бухарест заявление послал. Ничего, говорят, нельзя сделать. Кооператив может перелить подшипник не раньше чем через четыре месяца. Завтра опять поеду к ним.

— Завтра? А не возьмёшь ли и меня с собой? — говорю я.

На другой день мы с Кодашкэ вместе и отправились. Кодашкэ поговорил с председателем кооператива, дал ему ещё какие-то заявления. Председатель всячески уверял, что перелить подшипник никак невозможно раньше чем через четыре месяца, хотя работы с ним немного. За один день можно всё сделать. Но ведь у них план! Они не могут взяться за эту работу вне очереди.

А я поговорил с одним служащим. И на другой же день запряг лошадь и уложил в телегу вот этого поросёнка. Ведь чего хотел служащий? Подарка. Или, проще говоря, взятки. Когда я понял, что он именно на это намекает, я сказал себе: «Ладно, устрою!» Погрузил я, значит, на телегу поросёнка, поехал в государственное хозяйство, забрал подшипник и хлестнул лошадей. Приехал в кооператив. Вызвал служащего на улицу. Он посмотрел на подшипник, на поросёнка, подмигнул мне, позвал меня в комнату, принёс подшипник и сказал, чтобы я отвёз ему поросёнка домой, а вечером вернулся сюда, потому что подшипник будет уже готов.

Жены его не было дома. Я дождался её. Когда она пришла, я сказал, что говорил с её мужем и что он позволил мне оставить у них поросёнка до вечера. Вечером я пришёл в кооператив, получил подшипник. Он был уже готов. Быстро сделали. Хорошо работают ребята!

Ну, а потом я поехал домой к служащему и забрал поросёнка. Его самого не было дома. Служащего, то есть. Я ему оставил записку: «Ты превосходный человек».

Но всё-таки он меня, наверное, ругал, потому что на другой день меня всё мучила икота. Видели бы вы, какую мне встречу устроили, когда я въехал в село с перелитым подшипником! Вернее, не мне, а поросёнку. Ведь у нас снова по всему селу засверкало электричество. Какой чудный поросёнок! Он даже служащему понравился!

Да, что ни говорите, а ведь бывают ещё подобные происшествия в некоторых наших кооперативах.

Перевела с румынского Д. ШПОЛЯНСКАЯ.

[1] Румынская сливовая водка.

ГОРЬКОЕ ПРИЗНАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Вот уже второй месяц наш завод не работает...
— Да, взяли нас забастовщики в работу!

В. АРДОВ

ОРАТОР

Нельзя сказать, чтобы у Майи совсем не было опыта общественной работы: несмотря на то, что ей едва минуло двенадцать лет, Майя уже четвёртый год состояла бессменным редактором стенной газеты своего класса «За хорошую учёбу». И по части публичных выступлений Майю трудно было бы назвать новичком. Не говоря уже о многих выступлениях в школе, на счету у Майи была прекрасная речь, произнесённая ею этим летом в пионерском лагере, когда разбиралось дело о самовольной отлучке из лагеря трёх мальчиков. Словом, Майя была уже, так сказать, подкованный товарищ.

И всё-таки сейчас девочка пребывала в большом волнении. Шутка ли! Ей поручили произнести поздравительную речь от имени пионерской дружины на торжественном заседании, посвящённом вручению заводу Красного знамени. Заседание происходило в заводском Дворце культуры, в большом зале на тысячу двести мест. И все эти места были заполнены. На сцене сидели самые знатные люди завода и почётные гости из министерства и обкома партии.

Два звена пионеров, выделенные для торжественного марша через зал на сцену, уже собрались в фойе. Ребята нервничали и от этого шалили так, что пионервожатая Люда и оба командира звеньев осипли, призывая к порядку. Впрочем, командиры звеньев кончили тем, что и сами стали кататься с разбегу на скользком паркете огромного фойе...

А что же тогда должна была испытывать Майя?.. Она бледнела и краснела, поминутно оправляла костюм и пионерский галстук, то сжимала в кулаке измочаленную бумажку с текстом своей речи, составленной для неё вожатой Людой, то расправляла эту бумажку и в сотый раз подносила её к глазам...

В конце концов Майя убежала на сцену, за кулисы, где находилась майина мама: мама работала в качестве секретаря завкома и была организатором сегодняшнего вечера. Разыскав маму в полутьме кулис, Майя крепко, как собственница, обняла её обеими руками за талию, прижала русую головку к маминой груди и, испуганно косясь на членов президиума, которые отсюда были так близко, зашептала:

— Мамочка, я боюсь, боюсь, боюсь!..

— Чего, глупенькая? — спросила мама почти домашним, спокойным голосом и поправила отделившуюся от пробора прядку волос дочери.— Выступать боишься?

— Ага. Очень уж их много. И все взрослые. И важные такие...

Мама засмеялась, и Майе стало легче.

— Бояться нечего, девочка. Встретят тебя хорошо. Даже поаплодируют — вот увидишь... А ты знаешь, что говорить?

— Ага! Мне тётя Люда написала, а я выучила,— неуверенно закончила Майя: ей показалось, что она всё забыла.

Пока Майя мысленно повторяла свою речь, к маме подошёл какой-то дядя с желтоватым и худым лицом. Дёрнув длинным носом в сторону Майи, он спросил:

— Ваша?

— Моя,— ответила мама.— Двенадцать лет товарищу. Вот сегодня будет речь произносить от пионеров...

Длинноносый дядя явно заинтересовался. Он взял Майю двумя жёлтыми пальцами за подбородок и произнёс:

— Ну, как, уважаемый оратор, знаете, что будете говорить?

— Зн... знаю. Выучила. И ещё подучу,— робко ответила Майя.

— Так, так! Между прочим, Клавдия Павловна,— обратился длинноносый к маме,— вы с Иваном Никитичем согласовали тезисы вот её выступления?

— Я?.. А зачем?..— удивилась мама.

— То есть как это зачем? Торжественный вечер. Замминистра здесь! Товарищ Толкачёв приехал. Вообще очень ответственно... И вдруг она нагородит чего-нибудь такого. Недооценит чего-нибудь или, наоборот, пережмёт в ряде вопросов?!.

Мама улыбнулась и сказала:

— Ведь это всё-таки ребёнок...

— Вот именно! Именно потому я и боюсь! Чувства конъюнктуры у неё быть не может... А тут ещё и производственный охват и прочее...

— Вы это о чём? — перебил длинноносого подошедший в этот миг розовый крепыш с большой лысиной.

— Да вот,— отозвался длинноносый,— Клавдии Павловны дочка записалась в прениях. Ну я инструктирую товарища...

Крепыш довольно закивал головою:

— Что ж, девочка, дело хорошее. Ты им вставь фитиль, нашим аллилуйщикам. Самокритики, самокритики побольше подпусти. Ты не смотри, что торжественное заседание. Ты им намекни, дочка: дескать, если вы думаете, что и впредь отстающие цеха будут выезжать за счёт передовых, так у нас дело не пойдёт...

— Власюков, ты с ума сошёл! — начал опять длинноносый.— Это же торжественное заседание, а не актив по вопросу о невыполнении плана...

— Да, но самокритика тоже не отменена...

Майя стала искать глазами маму, но маму отозвал ещё один дядя, и мама куда-то исчезла. Майя хотела было улизнуть и сама. Не тут-то было: длинноносый схватил её за руку и продолжал объяснять, какие опасности таит её выступление.

Майя растерялась окончательно. На её счастье, к ней подбежала вожатая Люда и потянула её за собой, быстро-быстро говоря:

— Майка, я уж думала, ты пропала! Сейчас мы войдём через зал. А ты выйдешь отсюда из-за кулис, когда объявят твою фамилию. Ты приготовилась выступать?

— Пригото...— проговорила Майя, и у неё от ужаса перехватило в горле.

— Ну, давай сюда, поближе к трибуне...

А уж пора было: из зала послышался треск барабанов, звуки горнов и аплодисменты. Пионеры приближались к эстраде. Когда оба звена в стройном порядке замерли на авансцене, председатель сказал:

— Слово для приветствия от наших пионеров имеет Майя Никитина.

Опять послышались хлопки. Люда толкнула Майю в плечо и прошипела:

— Давай!

Майя, покраснев, вышла на сцену. Аплодисменты усилились. Майя заняла место за большой кафедрой. Зрителям теперь был виден её вздёрнутый нос, лоб и немного сбившийся пробор. Тихим голосом Майя начала:

— Товарищи, позвольте мне от имени пионеров 112-го и 114-го отрядов горячо поздравить весь коллектив нашего юдного завода с высокой наградой: с вручением переходящего Красного знамени...

Тут Майя немного поперхнулась, а все захлопали опять, так что оно вышло как бы и во-время...

Затем Майя продолжала:

— Позвольте мне выразить надежду, что и впредь наш любимый завод удержит за собой... удержит... уде...

Майя похолодела: она внезапно почувствовала, что решительно позабыла тот текст, что был ей вручён Людой. Девочка разжала кулак, чтобы заглянуть в записку. Но записки не было. Не то она была утеряна, не то Майя её изорвала сама, волнуясь перед выступлением.

Майя, обливаясь потом, охнула на весь зал и, повернувшись лицом к вожатой Люде, которую она углом глаза всё время видела за первой кулисой, неожиданно громко проговорила:

— Ну вот: шпаргалку твою я потеряла! Что теперь делать?!

В зале начался громкий хохот. Весь зал смеялся и хлопал в одно и то же время. Даже пионеры беззвучно тряслись от смеха, стоя в строгом своём порядке.

И — неожиданная вещь — этот смех подбодрил и успокоил Майю. Она тоже посмеялась немного, потом подняла руку в знак того, что хочет продолжать речь. Зал не сразу затих. И девочка заговорила теперь звонким и даже бойким голосом:

— Ну, всё равно, товарищи, я скажу не по шпаргалке, а по-своему... (Смешок в зале.) Это очень хорошо, что вам дали знамя. Но только... Вот я знаю по себе: когда я получу пятёрку — по истории или по алгебре,— то потом до-о-олго не хочется заниматься этим предметом. Думаешь: зачем? Всё равно больше скоро не спросят... Вот, я боюсь, так и вы... Дали вам знамя, вы и заважничаете... (Громкий смех, аплодисменты.) Подумаете, что к будущему году ещё успеете выучить... то есть нагнать...

В этом месте Майя принуждена была замолчать: такой начался опять смех и, разумеется, аплодисменты. Она снова подняла руку; зал умолк.

— А что вы смеётесь? — начала Майя.— Я вас серьёзно предупреждаю, я же по себе знаю... Ну вот: опять смеётесь... Разве вы не знаете, что надо хлопать оратору, когда он кончит говорить, а не в серед...

Тут началось такое, что Майя, безнадёжно махнув рукою, вышла из-за кафедры и направилась за кулисы. Тем не менее зал долго не мог успокоиться.

А за кулисами Майя снова прижалась головою к маминой груди и обняла её обеими руками за талию. Люда в это время целовала Майю в лоб, в нос и в окончательно растрепавшийся пробор на голове. И двое дядей — длинноносый и розовый крепыш с лысиной — стояли подле девочки и говорили оба вместе.

— Правильно, дочка! — громко повторял крепыш.— Я тебе сказал: дуй на самокритику!.. Видишь, какой успех?..

А длинноносый, кисло улыбаясь, всё качал головою:

— Смелая девочка. Смелая. Хорошо, что Иван Никитич тоже стал смеяться... Но всё-таки так, без согласования я бы не рискнул... Это у вас, Клавдия Павловна, оратор растёт...

Мама, улыбаясь, подняла кверху лицо Майи и спросила:

— Ну, ты, оратор, бутерброд с кетовой икрой съешь?

— Съем! — убеждённо ответила Майя.

А в зале ещё смеялись и слышен был многоголосый говор: это продолжалось обсуждение майиной речи.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

По следу

Житель города Львова В. Е. Кандзюба прочитал две книги: «Однажды на границе» С. Мартьянова и «Над Тиссой» А. Авдеенко. И заметил при этом весьма странные и необыкновенные вещи. Вот что он написал нам по этому поводу:

«...если прочитать две повести подряд (что неосмотрительно сделал я), то создаётся неприятное впечатление, что один из авторов, дабы излишне себя не утруждать или же из-за отсутствия фантазии, решил попросту «перекатать» некоторые предложения, описания действий из книги другого автора.

Вот, например, у С. Мартьянова на стр. 117: «Тигр уверенно бежал по следу. Волчья его окраска резко выделялась на зелёном покрове. Крепкая, клинообразной формы морда почти не отрывалась от земли. Между чёрными сухими губами ослепительно белели крупные клыки. Остроконечные уши ни на одно мгновение не утрачивали настороженности».

Если же ты, дорогой Крокодил, заинтересуешься повестью А. Авдеенко, то на стр. 98 прочтёшь: «Витязь равномерно тянул поводок. Волчья его окраска резко выделялась на зелёно-мшистом лесном покрове. Массивная, клинообразная морда почти не отрывалась от земли. Между чёрными сухими губами белели крупные клыки... Остроконечные уши ни на одно мгновение не утрачивали настороженности».

Не подскажешь ли ты, дорогой Крокодил, кто у кого «перекатал»?»

Чтобы ответить на вопрос читателя, нам пришлось пойти по творческим следам обоих авторов.

Повесть С. Мартьянова издана в 1953 году, а повесть А. Авдеенко — в 1954.

— Кажется, всё ясно! — воскликнули мы.

Но тут же вспомнили правило пограничников: не полагаться в преследовании нарушителей на первое впечатление. Мы пошли дальше, вглубь годов. И что же вы думаете? Нашли третьего пса — Джека, который «...бежал мягко, плавно, быстро. Волчья его окраска резко выделялась на весеннем покрове. Крепкая, клинообразной формы морда почти не отрывалась от земли. Между чёрными сухими губами ослепительно белели крупные клыки. Остроконечные уши ни на одно мгновение не утрачивали настороженности».

Этот Джек — герой очерка А. Авдеенко «Преследование» (напечатанного в журнале «Пограничник» в 1952 году). От своего очерка и шёл писатель Авдеенко к повести «Над Тиссой». И... от этого же очерка шёл «творческий путь» писателя Мартьянова. Надеялся Мартьянов, что сто сорок три страницы его повести поглотят бесследно семь чужих журнальных страниц! Однако не надо быть чересчур опытным следопытом, чтобы обнаружить следы мыслей и слов очерка Авдеенко на многих страницах повести «Однажды на границе».

«Верное чутьё Смолина, умеющего слушать и сердцем, говорило ему, что лес уже не тот, каким он был два часа назад»,— пишет Авдеенко.

«Верное чутьё Боровика, умеющего слушать и сердцем, говорило ему, что лес уже не тот, каким он был тридцать минут назад»,— вторит ему Мартьянов.

«Неистощимы силы человека в борьбе за правое и святое дело. Пробежав около двадцати километров..., Смолин чувствовал себя способным преодолеть ещё такое же пространство»,— читаем мы у Авдеенко.

«Неистощимы силы человека в борьбе за правое и святое дело. Пробежав около пяти километров..., Боровик чувствовал себя способным преодолеть ещё такое же расстояние»,—перечитываем мы у Мартьянова.

Достаточно и этих примеров, чтобы понять несложное представление С. Мартьянова об этике писателя!

Вот, собственно, то небольшое исследование, которое мы провели, чтобы ответить на вопрос читателя.

Более глубокое исследование вопроса с окончательными выводами, мы полагаем, проведут писательские организации.

Кл. БЕЛИК

Оседлые гости

Отряхнув дорожную пыль с черкески, колхозник Хусейн смело переступил порог дома № 178 по Пионерской улице города Майкопа. Не был старик здесь лет пятнадцать.

Перед ним, словно из-под земли, выросла фигура человека с салфеткой подмышкой.

— Пожалуйте, почтенный! — ласково пропел он.— Что желаете заказать? Шашлык по-карски? Марочного коньячку?

«Культура! — удовлетворённо подумал старый Хусейн, увлекаемый вперёд человеком с салфеткой.— Впрочем, и пятнадцать лет назад наш областной Дом крестьянина славился своим гостеприимством».

— Так что же будете пить и есть, почтенный? — настойчиво повторил человек.

Хусейн невнятно пробормотал что-то об отсутствии аппетита и выразил желание прежде всего покормить лошадь, помыться с дороги и лечь спать. Улыбку на устах человека с салфеткой словно сдуло ветром.

— Лошадь не обслуживаем, почтенный. Здесь ресторан «Юг», а не заезжий двор,— холодно процедил он,— пора бы привыкнуть!

— Ресторан?! — изумился старик.— Позвольте, а где ж теперь Дом крестьянина?

— Здесь ещё покуда, существует в урезанном состоянии. На положении коечного жильца. Вход налево, за углом.

Разыскал Хусейн дежурную по Дому крестьянина, но та не дала ему и рта раскрыть:

— Нет мест!

— Мне только на одну ночь! Неужели все сто пятьдесят коек заняты?

— Это до войны у нас было сто пятьдесят коек,— разъяснил выглянувший из соседней комнаты заведующий,— а сейчас вдвое меньше. Исполком Адыгейского облсовета временно передал часть наших помещений другим организациям. Остались мы без клуба и заезжего двора. Так что многим приходится отказывать в ночлеге.

— Вы заберите обратно свои помещения!

Заведующий развёл руками:

— Восемь лет уже забираем. Адыгейский облисполком сколько постановлений по этому поводу вынес! И всё без толку!

Заведующий скрылся, а через минуту подал старику какую-то толстую папку:

— Вот, полюбуйтесь...

Уселся старый Хусейн в уголке и принялся перелистывать документы, а заведующий занялся своими делами.

— Бумаг написано много,— вздохнул он после паузы,— да, видно, одними предписаниями дела не сделаешь. Верно, почтенный?

Ответом ему был лёгкий храп. Заведующий испуганно обернулся. Старый Хусейн, скорчившись в три погибели на стуле, мирно спал над раскрытой папкой — полным собранием сочинений Адыгейского облисполкома по вопросу об освобождении принадлежащих Дому крестьянина помещений.

Н. ДМИТРИЕВ

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ТРУЖЕНИК

— Устал?

— Ещё бы! Пока ты, работая на колхозном поле, дышала чистым воздухом, я восемь часов просидел в душной чайхане!

ИЗ ГОДА В ГОД

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Некоторые выпускники средних школ ежегодно проваливаются на экзаменах в институты, но на работу не идут, сидят на шее родителей.

— Может быть, наш Коленька в этом году наконец поступит в институт.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Сценарий научно-хроникального документально-поучительного фильма

1

Зал кинотеатра в городе Советская Гавань. На экране — кадры киножурнала «Дальний Восток». Голоса:

— Вот на это приятно посмотреть! В каком образцовом порядке содержится улица! Какие красивые дома! Какие мостовые! Какое освещение! И как хорошо выглядит стройка Дворца культуры!.. Только где это происходит?

— Да ведь ясно было сказано: у нас же, на Приморской улице.

— Но, насколько я знаю, наша Приморская улица выглядит не совсем так...

— И по-моему, тоже... А не проверить ли нам ещё раз на месте?

2

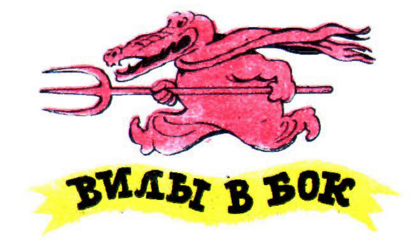
Зрители пришли прямо из кино на Приморскую улицу. Сопоставляют виденное на экране с натурой — и натура явно проигрывает. Асфальтированная мостовая, за вычетом небольшого участка, исковеркана. Облупившиеся стены домов дали трещины. Многие фонари разбиты. Строительство Дворца культуры законсервировано... Голоса:

— А как всё красиво изобразили кинооператоры! Вот что значит съёмка крупным планом...

3

Зал заседаний горисполкома. На стене — экран кинопередвижки. На экране — те же кадры киножурнала «Дальний Восток». Всё руководство во главе с председательствующим тов. Кудлай очень довольно. Голоса:

— Замечательно! Превосходно! Мы даже и не подозревали, в каком образцовом порядке содержится у нас Приморская улица. Наших коммунальников и строителей надо обязательно премировать...

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Топоры дружно поднимались и опускались, щепки летели во все стороны, рушились прилавки. Грузчики кряхтя выносили во двор массивные кассовые аппараты. В просторный зал, занимая их место, величаво вплывали канцелярские столы, поддерживаемые множеством рук.

Так осуществлялся приказ, который надолго останется в памяти всех его читавших:

«Во исполнение постановления... в части освобождения торговых помещений, используемых не по назначению... освободить помещение магазина № 41, а директору Горпищеторга переселить в помещение магазина контору торга.

Заместитель начальника Омского управления торговли Ерёмин».

Конечно, можно ухитриться надеть пальто или костюм шиворот-навыворот. Однако нам кажется, что делать этого не следует. Не рекомендуется также шиворот-навыворот осуществлять важные постановления, освобождая торговые помещения не для магазинов, а от магазинов, как это сделал тов. Ерёмин, начавший свой мудрёный приказ за здравие и окончивший за упокой.

НА ВЫНУЖДЕННОМ ПРИВАЛЕ

Охотничьим историям часто не верят. Соберутся, мол, охотники на привале и начнут «заливать». История, которую мы сейчас расскажем, тоже охотничья и тоже удивительная. Но в ней в отличие от охотничьих небылиц нет ни доли выдумки.

Начальник филиала Магаданских Центральных ремонтно-механических мастерских тов. Бирюков — страстный охотник. Не менее страстный охотник и главный инженер тов. Дошин. Но на охоту у них новый, современный взгляд. «Прошли те времена,— рассуждают они,— когда охотники пешком бродили по лесам да по болотам. В наших руках прекрасная техника!»

Укрепив свою компанию ещё несколькими инженерами, они уселись на... бульдозер и торжественно выехали в тундру. «Далеко шагнула техника!» — ликовали охотники. Но техника в этот момент шагнула... и застряла. Пришлось звать на помощь второй бульдозер и сделать вынужденный привал. Но и вторая машина застряла. «Э, подумаешь, — усмехнулся тов. Бирюков,— мало ли у нас техники!» И вызвал третий бульдозер. Тундре, видимо, не понравилась затея охотников. Она задержала в своих недрах и третью машину... «Что ж, на охоте всякое бывает! — успокоил начальник своих спутников.— Спасёмся!» И впрямь, четвёртый бульдозер оправдал его надежды и блестяще завершил спасательную операцию.

Охотники обычно любят сами рассказывать о своих похождениях. Охотники-ремонтники из Магаданской области скромно умалчивают о своих подвигах. Поэтому нам и пришлось восполнить этот пробел.

Р. САРЦЕВИЧ

Поэт — пекарь

Из Москвы отряды молодёжи
Уезжали в плодородный край.
В дальний путь поэт собрался тоже
И поехал с ними на Алтай.
Там на актуальнейшую тему,
Вдохновившись блеском лемехов,

Сел и молвил: «Хватит бить баклуши!
Надо приниматься за дела».
И, не медля, с кулинарным рвеньем
Стал он о просторах целины
Печь поэму и стихотворенья
Так же быстро, как пекут блины.

Он напишет чудную поэму
И немало сочинит стихов.
Так поэт, о творчестве мечтая,
Стал, по существу, уже творить.
Кое-что увидел на Алтае,
Кое с кем успел поговорить.
Не теряя больше ни минутки,
Наш поэт, влюблённый в синеву,
Сел на поезд на вторые сутки
И обратно укатил в Москву.
Вот колёса застучали глуше,
Вот поэт в квартире у стола.

Клал свои блины в конверты-птицы,
Не жалея марок и трудов,
И летели письма из столицы
В адреса различных городов.
Был он аккуратным человеком:
Вёл учёт по каждому письму.
Через месяц по почтовым рекам
Переводы хлынули ему.
Шлют с Кубани, Волги и Дуная.
Шлют Калуга, Пенза и Можай...
На Алтае только посевная,
А поэт снимает урожай.

Эпиграммы

На Сергея МИХАЛКОВА

Он, вдохновением согретый,
Творит в порыве неустанном:
Сценарий, басня и либретто
Из вечной ручки бьют фонтаном...

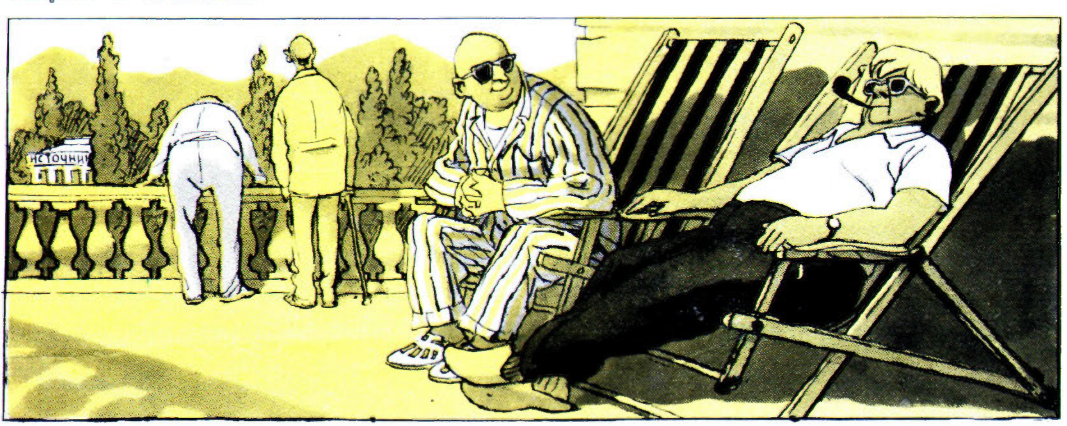
Рекой струятся бесконечной
Комедии, стихотворенья...
О, если бы из ручки вечной
Да вечные
произведенья!

На Александра ПРОКОФЬЕВА

Хоть девицы твои — красавицы,
А пареньки — все сплошь соколики,
Не всем они, однако, нравятся,
Поскольку много в них буколики.

Мих. ПУСТЫНИН

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

— Какими источниками вы пользовались, когда писали свой исторический роман «Из варяг в греки»?
— Главным образом Ессентуками № 17.

Отрывки из ненаписанного

Свою неопытность в работе он оправдывал тем, что передал свой опыт другим.

о

„День радио" — это прекрасно, но день и ночь радио — это несколько утомительно.

Изобретателю не верили на том основании, что он „всё выдумал".

о

Он был незлопамятен: не помнил зла, которое причинял другим.

о

Съедобный гриб прячется, ядовитый — всегда на виду.

о

И на производстве можно дать „обет безбрачия".

о

Послушать болельщиков, так вся история человечества — это история борьбы за первенство по футболу.

о

Каждому своё, а иным и чужое.

о

Хотел сказать „Площадь Согласия", но по привычке сказал: „Площадь согласования".

о

В картинной галерее было столько исторических личностей на конях, что можно было подумать, будто историю наполовину делали лошади.

Память не изменяла ему, но он изменял ей всегда, когда находил это нужным.

о

Внести своё в таблицу умножения можно, только переврав её.

Эмиль КРОТКИЙ

Алексей МАРКОВ

На лестнице

На эскалаторе в метро
Порядок — становиться справа.
Но, указателям назло,
Вдруг
представительный и бравый
Товарищ
слева встал, — видать,
Не к спеху: миновала юность.
А те, кто может опоздать,
Стоят в хвосте за ним,
волнуясь.
Хотя б осмелился один
Сказать:
«С другого встаньте края,
Пройти нам дайте, гражданин!»
Стоят, молчат...
Вот как бывает.

Сие случается подчас
В пути нелёгком на Парнас.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В прежние времена, как тебе известно, провинившихся людей привязывали к столбу. А вот строители треста «Бугульманефтестрой» умудрились привязать к столбу... целую комнату вместе с жильцами! Полюбуйся-ка на эту картину:

Когда трест начал возводить новый дом, строителей не смутило неожиданное препятствие — телеграфный столб на площадке.

— Э,— решили в тресте,— столб нам не помеха... Пусть стоит себе на месте!

И построили дом «вокруг» столба. Жильцы забеспокоились:

— Телеграфный столб — и вдруг в комнате?!

Жаловались в трест, но от столба так и не избавились. За что же жильцы терпят такое жестокое наказание? Ведь если уж наказывать, так надо наказывать виновных — строителей!

В. КОРАВСКИЙ

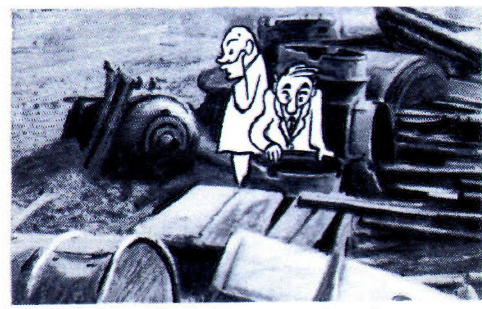
пос. Зеленогорск,
ТатАССР.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Если доведётся тебе побывать в окрестностях Кинешмы и обозреть поле деятельности строительно-монтажного управления Красноволжского комбината, ты, пожалуй, подобно Руслану, не удержишься от горестного восклицания: «О поле, поле, кто тебя усеял?..» Ибо куда ни взглянешь, всюду увидишь ржавые части различных машин, разобранных или не собранных.

Хочешь знать, кто устроил «злую сечу»? Могу сказать.

Уже несколько лет, как начальник строительного управления тов. Налико и главный инженер тов. Любимов получают по всяким лимитам и сверхлимитам дорогие механизмы и потом сваливают где попало, отдавая их во власть дождям. Вот посмотри на это фото:

Так уже год хранится оборудование насосной станции, на создание которой у государства выкачаны десятки тысяч рублей, которая сама не выкачала ещё ни грамма воды.

И. БАСОВ

г. Кинешма.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

С глубоким прискорбием извещаем тебя о трагическом случае, который произошёл со Старым Воробьём. Это произошло так неожиданно, что его соплеменники в Калининской области до сих пор не могут опомниться.

В посёлке Торфяной опытной станции, под крышей капитально ремонтируемого дома № 4, сложили дымоход из нового кирпича Бологовского кирпичного завода. Воробей только уселся на трубу, как она... не выдержав подобной тяжести, рухнула.

Только старческой близорукостью и беззаботностью Воробья можно объяснить этот печальный факт. На кирпич Бологовского завода не только садиться,— смотреть страшно.

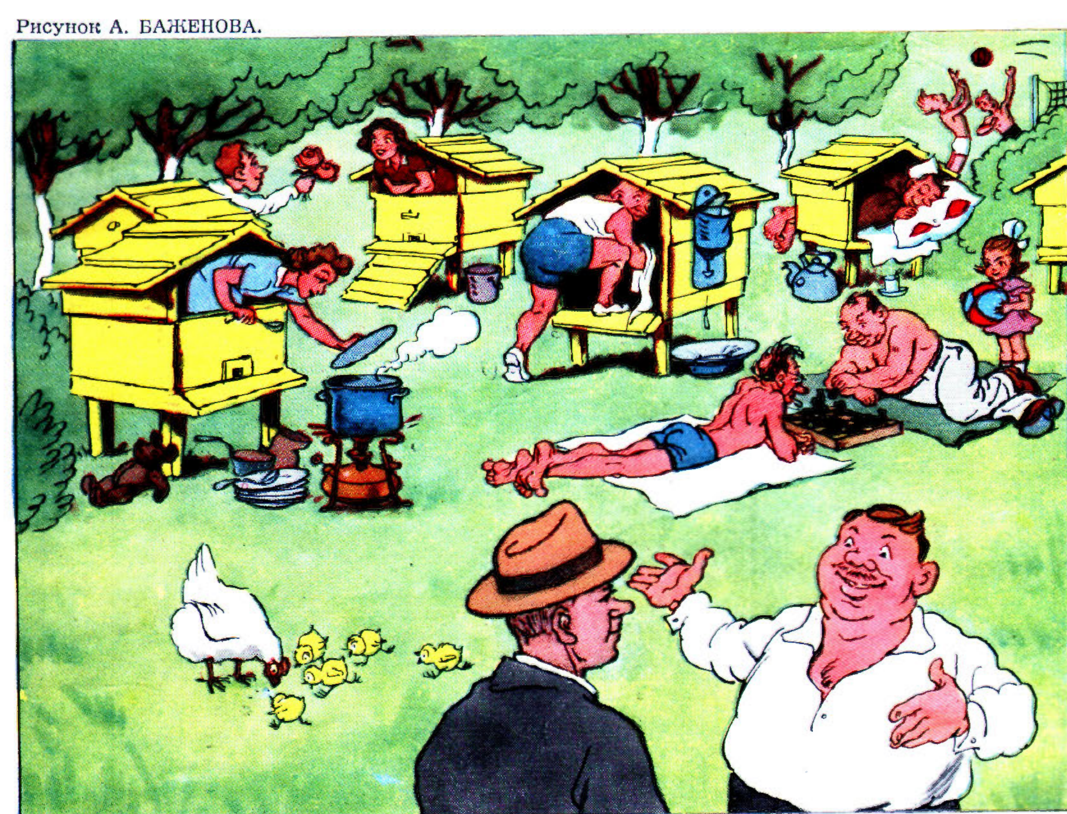

Этот кирпич новый, он не разбит — просто развалился по слоям. Хотели было мы послать это письмо директору завода В. М. Дохудовскому, да решили, что он и без нас получает много подобных писем. И судя по тому, что завод продолжает выпускать брак, письма не волнуют директора.

М. ПЕТРАЧКОВ,
А. ГЛУХОВ

ст. Редкино,
Октябрьской ж. д.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— В этом сезоне пасека даёт ещё больший доход.
— Почему?
— Я её сдал дачникам.

Крокодил помог

✻ В № 6 Крокодил опубликовал фельетон «На академических хлебах», о том, что Казанский филиал Академии наук использовал штатную должность заместителя директора по научной части для содержания работника снабжения С. А. Аронова.

В настоящее время Аронов от должности освобождён.

✻ В № 13 журнала Крокодил была помещена заметка «Почти как в сказке», о плохом снабжении промышленными и продовольственными товарами чабанов в урочище Тугельбай (Талды-Курганская область, Казахская ССР).

Министерство торговли КазССР и Центросоюз сообщили редакции Крокодила, что в Талды-Курганскую область, в том числе и на участок Тугельбай, отгружено необходимое количество ламп, лампового стекла, соли, чаю, сахара, керосину и других товаров.

✻ В № 16, в фельетоне «Ещё кланяемся...», рассказывалось о директоре Александровской МТС (Владимирская область) В. Р. Доцауэре, использовавшем тракторный парк для извозного промысла на сторону.

Фельетон обсуждался Александровским горкомом КПСС. Директору МТС Доцауэру и главному инженеру МТС тов. Власову объявлены выговоры. Бюро ГК потребовало от В. Р. Доцауэра не позднее 20 июля привести в полную готовность тракторный парк и все уборочные машины с тем, чтобы уборку урожая провести в сжатые сроки и без потерь.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 03370. Изд. № 599. Подписано к печати 21/VII 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1975. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Есть ещё руководители районных организаций, которые за день объезжают множество колхозов, не задерживаясь нигде подолгу.

ВЕРХОЛЁТ.